

ВОЕННЫЕ ДНЕВНИКИ

ИГОРЬ СТРЕЛЬЦОВ

**ДНЕВНИК
«АНДЕРСЕНА»**

Харьков
«ФОЛИО»
2019

6 сентября 2014 года

Пожалуй, это последняя теплая ночь сентября. Месяц еще не взошел, только алмазная пыль Млечного Пути сверкает в небе миллиардами неизведанных миров, возможно, и прекрасных, но слишком далеких, поэтому равнодушных. Томный воздух вибрирует сплошным журчанием невидимого оркестра, удивительно сочетаясь с мерцанием звезд. Очевидно, эти звуки и этот свет объединяют миллионы лет. Степь затихла, затаив дыхание от созерцания величественной гармонии жизни всего сущего. Ни один сухой стебелек не шелохнется.

Но из глубины темноты послышались какие-то звуки. Постепенно нарастая, они сначала напоминают шум воды, затем топот копыт дикого табуна и наконец — рев каких-то доисторических существ. Будто целый табун трицератопсов, натужно ревя, панически бежит сюда, спасаясь от какого-то гигантского тираннозавра. Тысячи маленьких скрипачей, тревожно поблескивая большими черными глазами, прерывают свои партии, торопясь к норкам в земле. Звезды уже не пульсируют, а застыли белыми пятнышками на поточенной молью простыне черного неба. Постепенно оркестр сверчков вытесняется грохотом двигателей. В большой брезентовой палатке, поскрипывая панцирными сетками старых кроватей, зашевелились солдаты. Хотя солдатами этих мужчин еще нельзя назвать. На прошлой неделе все они были слесарями, шоферами, учителями, «офисным планктоном», утром шли на работу, вечером, уставшие, возвращались домой, обнимали жен, проверяли дневники детворы.

На выходных ходили с друзьями на рыбалку, или смотрели футбол, или звенели гаечными ключами по гаражам... И вот неожиданно все вместе оказались в этом вылинявшем зеленом шатре посреди военного полигона Широкий Лан. Как называют старожилы этого места — Ширлан. Голая степь южной Украины. Большинство из них даже никогда не занимались туризмом, а значит, не ночевали в поле, не ориентировались по звездам, не умели добывать питьевую воду из росы и луж, не выстаивались в ряды, никогда не целились хотя бы по мишеням... И еще много всяких «не», ставших теперь обыденной реальностью. Теперь все они вынуждены обустривать нехитрый быт в чистом поле без удобств. Некоторые пришли в военкомат добровольцами, большинство привела повестка, но дискомфорт испытывали все. Виктор Прокопенков страдал от запора, а у Андрея Чубчикова случился понос, что хуже, потому что не мылись уже неделю. А тут еще этот грохот посреди ночи. Ревут моторы снаружи, им в ответ скрипят и скрипят стальные кровати, превращаясь в какую-то печальную морзянку. Кто-то закашлялся сухим кашлем старого курильщика, кто-то просто сел на край кровати, уныло свесив ноги вниз.

Вот приехали БМПшки — боевые машины пехоты — легкие танки советского образца: на маленькой головке торчит тонкий нос пушки, длинное узкое тело для десанта покрыто слабым панцирем, — достались украинской армии в наследство после распада советской империи. Молодая страна более чем на два десятилетия забыла об этих игрушках для взрослых. За это время ловкие военные чинуши достаточно этого добра распродали неизвестно куда, но многое оставалось законсервированным. И вот время пришло. Завтра все эти немного замученные пожилые дяди и молодые ребята будут учиться прятаться за эту тонкую броню во время боя, в свою очередь защищая ее от вражеской пехоты. Ведь скоро им на фронт.

— Почему эту войну называют АТО — «антитеррористическая операция»? — спрашивал днем старшего товари-

ща какой-то мальчишка, когда, раздевшись до трусов, драил внутри походную полевую кухню.

— Эта «операция», видимо, станет рекордной в истории всего мира по количеству жертв и разрушений, — грустно вздыхал человек с длинными казацкими усами, подливая воду в стальную бочку на колесах. — Хуже всего то, что этой «операции», кажется, нет конца. А теперь еще Иловайский котел.

— До этого всё еще худо-бедно было похоже на операцию — добровольцы и нацгвардейцы долбили группки российских диверсантов и местных бандитов, вооруженных теми же диверсантами, — подал голос здоровяк, докуривавший сигарету. — Постепенно наши теснили этих головорезов на восток, к границе. Но Иловайск — просто какая-то адская мясорубка.

— Да, я помню ту картинку с телика, — глухо отозвался из железной бочки мальчишка. — Президент принимает военный парад на Крещатике в День Независимости. Перед ним проплывают многочисленные стройные колонны новенькой военной техники и исчезают где-то за горизонтом. Это очень похоже на парад зимой 1941 года на Красной площади в Москве. Бойцы с парада сразу отправились на фронт, чтобы остановить немцев.

— Но теперь это была лишь красивая картинка для «ящика», — сказал мужчина с длинными усами. — Военные с Крещатика не поехали на фронт, потому что его тогда как такового и не было. Была только определенная территория Донбасса, захваченная террористами из ДНР и ЛНР. И именно тогда всё и изменилось.

— Говорят, это были русские — регулярная армия с танками, пушками, реактивной артиллерией. Говорят, выжидали землю до черного пепла, наша техника превращалась в расплавленные лужи металла, а тела ребят испарялись в одно мгновение. Напалм. От них ничего не осталось. Абсолютно. Они исчезли, как тени от солнца, — грустно сказал мужчина, затягиваясь сигаретой.

Из глубины полевой кухни всплывает обнаженный торс мальчишки, к ежику короткой шевелюры прилипли остатки пшена:

— Меня больше всего пугает не смерть. Больше всего пугает вранье нашего руководства. Даже после такой катастрофы нам не говорят правды, не наказывают виновников-генералов, отправивших наших солдат на смерть, на бессмысленный расстрел в чистом поле. Никто не хочет сказать правду, хотя бы единственное слово — «война»! Россия напала на Украину! Почему?

Днем различные слухи плывут по выцветшим палаткам: одни говорят, что официальные цифры наших потерь под Иловайском надо умножать на десять, другие говорят, что на сто. Российские солдаты, не стесняясь, выкладывают в Интернет свои жуткие видео издевательств над пленными и телами погибших украинцев. Это видит весь мир. Это видят они. Особенно поразило ребят видео, где русская солдатня издевается над тяжелораненым «айдаровцем». Парень распластался на траве, с каждым тяжелым вздохом улетает его жизнь, гаснет его голос. И окруживших его мучителей это не волнует, они несут какой-то бред о православии, о вере, о зарплате «украинским наемникам», при этом нагло допрашивая добровольца. О том, что это русские, понятно даже из их диалогов. Тот, который снимает допрос, спрашивает украинского добровольца: с какого ты, мол, города, но слов украинца уже не разобрать. Один из мучителей срывает шеврон с рукава несчастного и показывает в камеру надпись — «Луцк», а «видеооператор» спрашивает у «коллеги»: «Луцк — это где?»

Это не единственное такое «кино», они плодятся, заполняя всемирную паутину. Россияне, заявляя о своем великом походе против фашизма в Украине, уже давно переплюнули своими поступками всяких фашистов. Бородатые попы Московского патриархата с георгиевскими ленточками на грязных рясах обильно окропляют неохрестоносцев, порой забывая, что те — мусульмане и приехали на Донбасс из

далекой Чечни не за «духовными скрепами», а за конкретными материальными благами. Это сумасшедший коктейль из коммунизма и монархизма, мусульманства и христианства и неизвестно чего еще. Все то, что отрицает и исключает друг друга, отныне слилось в грязный поток и двинулось из необъятной России в украинскую степь.

«Когда, когда они успели нас так возненавидеть? Что мы им сделали?» — вырывается у кого-то из мужчин после просмотра «свежего ролика» из Инета на мобильном. Но ему никто не ответил. Война красива и благородна только в книгах, а в жизни она похожа на старую сифилитичную проститутку. Это в кино победы добываются мудростью генералов и подвигами солдат, а в действительности оказалось — коварством и обманом, выстрелами в спину, предательством своих и чужих.

«Это всё очень напоминает мне ту, предыдущую войну, когда «мудрое» советское командование останавливало наступление немцев, бросая под траки железной европейской машины сотни тысяч душ наших дедов и прадедов. Неужели и наши жизни снова станут лишь сухой статистикой для историков или гранитными памятниками братских могил?» — как-то с грустью заявил на одном из привалов пожилой мужчина в старомодных очках, еще совсем недавно научный сотрудник какого-то университета.

Скрипят железные кровати. Уже никто не спит, прислушиваясь к реву за тонкой хлопчатобумажной препоной. Эта война подобралась к ним так близко, что их разделяет только этот кусок брезента. Кто-то выругался и повернулся на другой бок, кто-то, несмотря на запрет, закурил сигарету, глядя в темноту над собой... Днем они учатся быть солдатами, а ночью им снится Иловайск. И уже не пленного «айдаровца», а каждого из них режут на куски чокнутые российские солдаты. Мужчины просыпаются и видят этот брезент над головой. Значит, правда, это не сон, они на войне, и они встретятся с теми «отмороженными» русскими...

Мое псевдо — «Андерсен». Раньше меня звали Александром Летучим, но здесь все носят псевдо, даже такие, как я, — так проще. Свои имена и фамилии, как пальто в театре, люди сдали в гардероб, а вместо номерков — получили автоматы. После окончания «представления» все получают обратно свои имена, но не все получают назад свои жизни. Фактически война изменит каждого, но пока она всё еще продолжается, и никому из них не под силу ее предотвратить...

Воспоминание первое

...**М**не неожиданно вспомнилась такая же ночь: теплый воздух звенит от игры оркестра маленьких Паганини. Ароматы трав растекаются горьковато-сладким зельем белого тумана. Ряд разноцветных металлических вагончиков, словно большая гусеница, уснул, растянувшись посреди дороги. Это было задолго до войны, когда я, еще таможенником, дежурил на пограничном посту «Юнаковка» родной Сумщины, на границе с российской Курщиной. Так же, из темноты, нарастал грохот дизельного двигателя. Старший по смене Николай Гайда пристально вглядывался в сплошной мрак. Мог ли он что-то увидеть? Вряд ли. Хотя я тогда приписывал своему старшему товарищу, бывшему «афганцу», сверхъестественные качества. С черного ряда ближней посадки демоническим хохотом неожиданно залился филин. Я воспринял это как знак, занервничал, предложил поднять на перехват пограничников, но Гайда был непреклонен:

— Свет выключил — и заблудился. Это какой-то новичок, сейчас сам появится.

И действительно вскоре из темноты, щедро разбрасывая мозолистыми колесами чернозем, тяжело кряхтя, на дорогу выкарабкался старенький трактор. Желтый свет единственного постового фонаря выхватил из мрака мятые бока ржавого прицепа, до края нагруженного свеклой. Торохтун